

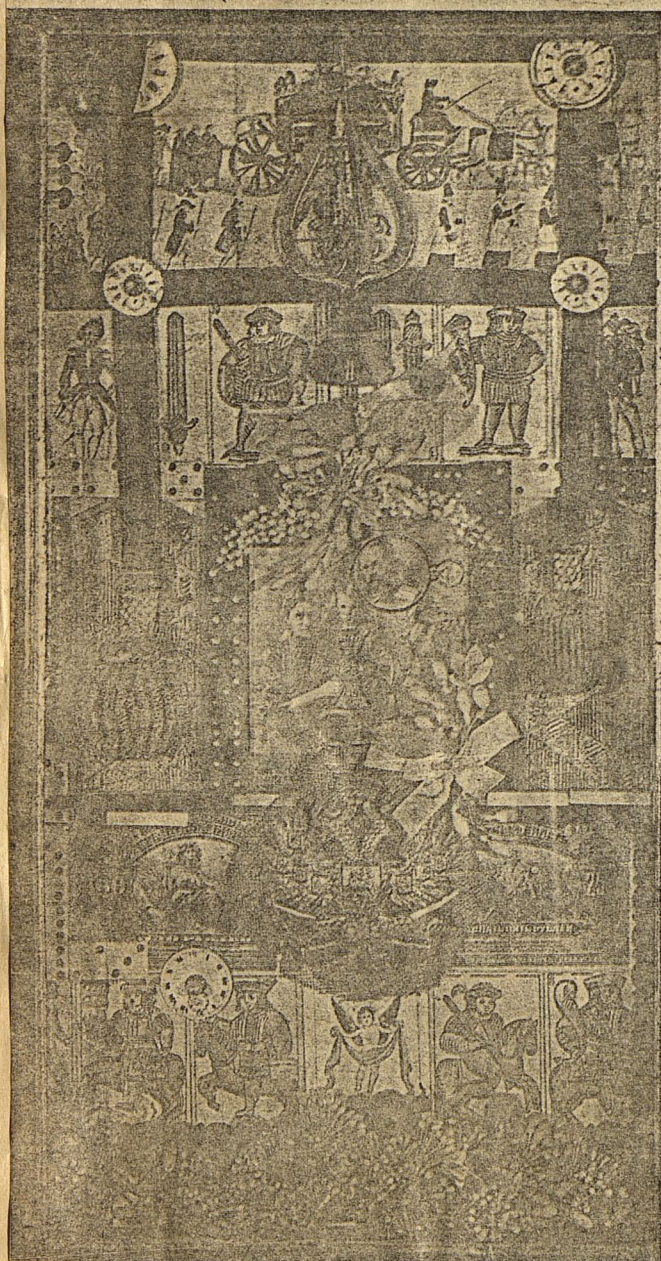
Сергей Параджанов
был пришельцем.
Это научно
доказанный факт.
А то, что мы это
не сразу поняли, —
так нам
не привыкать
не понимать
Мастеров...

Собеседник - 1993 - № 6 - с. 8, 9

ПРИШЕЛЕЦ

Уже сколько раз разъяснялось народу, армии и соответствующим органам: по пришельцам — не стрелять! Себе же хуже потом будет — но трудно, очень трудно отказать себе в удовольствии: пальнуть в пришельца. Параджанов был пришельцем — это уже научно доказанный факт. Где теперь тот монстр, который по нему стрелял, сажал его за решетку, преследовал? Монстра нет. А Сергей Параджанов — вот он, стоит себе среди детских разноцветных ползунков рядом со своим домом и смотрит на всех нас глазами постаревшего Фауста, не продавшего свою душу. Стоит на земле, которую любил, под небом, на которое частенько взлетал. И не пытайтесь вспомнить, когда умер Параджанов: я, например, не помню и помнить не хочу. Потому что пришельцы не умирают — они просто становятся ушельцами. А в ответ на нашу пальбу по ним остается обугленная земля, гибнут города и люди, корчатся и кричат души — и уже полет Христа не помогает. Вот почему-то кажется: пока пришельцы с нами — и города на месте стоят, и мы на людей больше похожи, и сохраняется

таинственный баланс жизни — то, чему нет названия, но ради чего стоит жить. Пока был жив Параджанов и пока он жил в своем любимом Тбилиси — и Тбилиси был тем, каким он был в нашем воображении, он был городом Пиросмани, о котором Параджанов хотел снять фильм — и очень странный фильм: хоронят художника, а он сам, в полном одиночестве, идет за своим катафалком... Пришелец Параджанов был трагичен — но и насмешлив от природы: он слишком любил жизнь и потому не запрещал себе смеяться над вещами общеизвестными — над Джокондой, например. Как, впрочем, и над самим собой. Но в своих коллажах (а точнее, видениях) он пытался и соединить обломки распадающегося мира. Лошадь, стоящая посреди неба и воды в тонушей Венеции, — очень точный символ этих видений. Для Параджанова жизнь — вообще жизнь и жизнь своя собственная — была такой же эстетической категорией, как прекрасная Венеция, как шедевры Возрождения или как фильмы Тарковского, перед которым он преклонялся.

Христос над Тифлисом.

6'93 Собеседник □ 8 — 9

Параджанов не дал себя затопить и затоптать — да и как можно затоптать тайфун, ливень, землетрясение? Что можно сделать с его миром, уже созданным, — миром потрясающей красоты и потрясающей безысходности? Не все из нас были знакомы с Параджановым или просто видели его, шагающим по земле. И сейчас мы — те, кто не успел — имеем возможность взглянуть на Мастера глазами фоторепортера Александра Грека, который

пришел к Параджанову знакомиться в возрасте Христа — и потом пробыл с ним рядом много лет, наблюдая пришельца почти ежедневно. Сейчас его книгу о Параджанове готовят к изданию во Франции, Германии, Голландии, США, Англии и Португалии. Кстати, и обложку к этой книге когда-то придумал сам Параджанов. Знаете, какую? Топор, золотые обрубленные крылья деревянного ангела, а между ними — сам Параджанов, только не настоящий, а в виде куклы-марионетки. Конечно, крылья могут обрубить каждому — и ангелу, и обыкновенному человеку. Но если человек из породы пришельцев, они у него вырастают заново. И не деревянные, а настоящие. Позолоченные настоящим солнцем, а для прочности — позолоченные дважды: золотом заката и золотом восхода. Вот он стоит на земле среди разноцветных детских ползунков и, посмотрев внимательно на нас (опять будете стрелять? или все же поуменьли?), снова исчезнет. Крылья-то у него собственные, всегда при нем — так что с транспортом проблем никаких.

Наталия АЙРАПЕТОВА.

Арабески на тему Моны Лизы.

85